

сливаются въ одно цѣлое міры человѣческій и животный, и растительный?

Есть у Толстого эти неустанныя переселенія бессмертной души, божественная метемпсихоза генія, которая раскрываетъ передъ нимъ трепетную тайну воплощений и допускаетъ его переноситься въ любое существо земли, пріобщаться ко всему живому населенію міра. Въ безпредѣльной державѣ природы онъ вездѣ чувствуетъ себя дома. И когда разсматриваешь безчисленныя иллюстраціи, где онъ изображенъ среди природы, то возникаѣтъ увѣренность, что онъ—не вѣшній, не чужой всѣмъ этимъ полямъ и лугамъ, рощамъ и рѣкамъ, что онъ выросъ отсюда и всему этому внутренне сопричастенъ: все-то онъ ходить, роется, ищеть, что-то слушаетъ; въ большой природѣ не затерялась и не растерялась его небольшая тѣлесная фигура. Въ противоположность другимъ отрицателямъ культуры, въ ней, однако, всецѣло пребывающимъ, ей всецѣло обязаннымъ, Толстой имѣеть право звать къ оправданію: онъ самъ слышитъ зовы первоначальной простоты; онъ имѣеть право быть натуралистомъ, потому что онъ самъ—заодно съатурой.

Какъ разъ поэтому, въ конечномъ счетѣ, онъ не только „давнишнюю кавказскую исторію“ про Хаджи-Мурата, но и всѣ другія свои исторіи рассказалъ такъ, что не отличишь, какую часть ихъ онъ „видѣлъ“, какую „слышалъ отъ очевидцевъ“, какую „вообразилъ себѣ“. То, что онъ видѣлъ, и